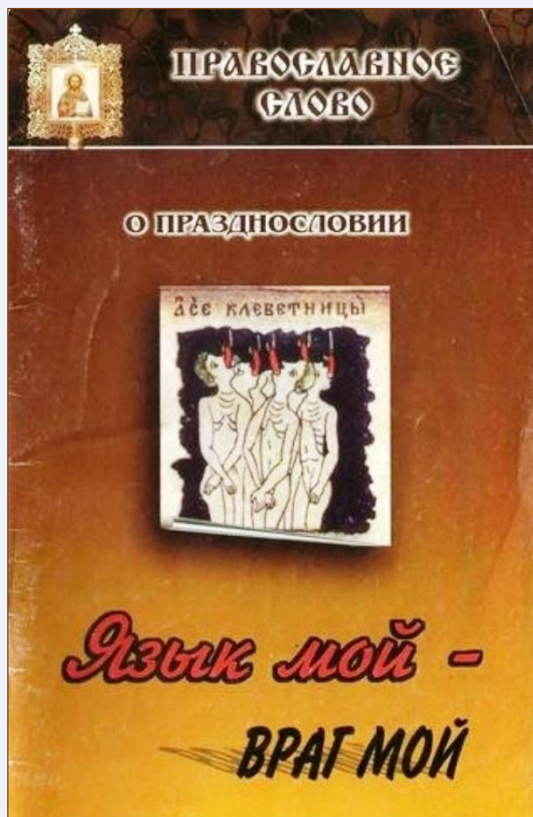

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

О грехе празднословия

Русская Православная Церковь. Издательство Московской Патриархии «БЛАГО».
По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II.

Язык?! Нет зловреднее вещи под небесем. Желательно бы так устроить, чтобы за каждую с его стороны непозволительность что-нибудь его укалывало (хоть бы булавка). Тогда бы он помирнее был, а то как машинка, что песенки поет: как завели и пустили - и... пошла тилиликать.

(Святитель Феофан Затворник)

СОДЕРЖАНИЕ

Значение слова

Рассуждение о человеческом слове

Беседа с ближними

Слово о многоглаголании и молчании

О многоглаголании

Наставление о том, как говорить о религии

Доброе слово

Против лжи

Благодарение ближних

Похвала и лесть

«Гнилые» слова, насмешки, смехотворство и споры. Язык. Великое дело обуздать его. От шутки до убийства

О смехе

Молчаливость и сдержанность в словах

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься

(Мф. 12, 37)

Да будут слова уст моих... благоугодны пред Тобою

(Пс. 18, 15)

Злое слово и добрых делает злыми, а доброе и злых превращает в добрых

(преп.Макарий Великий)

Наше общение с ближними осуществляется более всего в словах и беседах с ними. Понимаем ли мы всю меру нашей ответственности перед Богом за произносимые слова? Слово — это проводник, через который вливаются в душу не только мысли и образы, но и поток ощущений, переживаний, чувств и пожеланий.

Как пишет св.прав.Иоанн Кронштадтский: «Из существа мыслящего духа рождается слово, присущее ему, в себе показывающее мысль и равное ей; от мысли и с мыслию исходит дух, почивающий в слове и в слове сообщающийся слушающим; этот дух вполне равен и мысли, и слову и присущен им. Например, в слове ЛЮБЛЮ видишь и любящее начало, и слово, от него рожденное, и ощущаешь какое-то приятное дыхание любви».

А вот как говорит о слове о.Павел Флоренский: «**Слово есть эманация воли человека; это выделение души его, самостоятельный центр сил** — как бы живое существо, с телом, сотканным из воздуха и внутренней структурой — формой звуковой волны».

Всем известно могущество слова в устах выдающихся ораторов, трибунов и вождей народов. Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий, назван Его ближним учеником — Евангелистом Иоанном, как воплотившееся **СЛОВО — Логос**, Которое «**в начале было... у Бога**» (Ин.1, 1–2).

Слова Господа имели необыкновенную силу: «**Никогда человек не говорил так**» (Ин.7, 46), говорили про Него иудеи, «**Слово Его было со властью**» (Лк.4, 32). Этим словом Господь воскрешал мертвых, творил чудеса и преображал души человеческие.

Так же действовали словом и св.апостолы, положившие начало Церкви Христовой, и весь бесчисленный сонм Его учеников во всех странах и во все времена. По существу, употребление слова не отличается от дел — действия.

Как пишет свт.Феофан Затворник: «**Говоря, ты рождаешь слово. Ты произнес слово, и оно никогда уже не умрет, но будет жить до Страшного Суда. Оно станет с тобой на Страшном Суде и будет за тебя или против тебя**». А митрополит московский Филарет говорит: «**Слово человеческое может быть изострено, как меч, и тогда оно будет ранить и убивать; и может быть умягчено; как елей, и тогда будет врачевать**».

Словами можно возвышать, очищать и облагораживать людей, прививать им веру, радость и бодрость, возрождать в них любовь и милосердие, сообщать душе мир и спокойствие. И наоборот — скверными словами можно убивать и отравлять душу, можно заражать всеми видами страстей, греха и порока, можно растлевать невинные, чистые сердца, можно отравлять существование окружающих.

Ап.Иаков пишет: «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка... у того пустое благочестие ...язык — небольшой член, но много делает...

язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело... будучи сам: воспаляем от геенны...

Язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного, яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человек... Из тех же уст исходит благословение и проклятие» (Иак.1, 26; 3, 5-10). Но не только проклятие наносит вред ближнему.

Если бы мы имели духовные очи, то могли бы видеть, как из наших уст часто изливается яд при нашем разговоре. Вот мы говорим обидное, колкое или грубое слово ближнему и этим наполняем его душу горечью, обидой, досадой, раздражением. Вот мы передаем рассказ (часто ложный), порочащий ближнего, и яд, портящий его репутацию, разливается вокруг него, отравляет его жизнь, чернит в глазах ближних, ссорит с ними, создает ему неприятности в жизни и т.п.

Вред от подобных слов очевиден. А вот зло, которое мы, может быть, иногда не замечаем. В разговоре мы высказываем беспокойство и опасения о каких-либо житейских делах, и наш знакомый отходит от нас зараженным маловерием и опасением и за свою судьбу, забывая о промысле и милосердии Божиим.

Мы рассказываем про знакомых — как они ловко умеют обделывать житейские дела путем не совсем честных приемов, а наш ближний огорчен и соблазнен. Он думает: «А я-то какой простак! Я так не умен и не опытен в жизни. Вот как надо жить! И что тут особенно стесняться? Велик ли грех? Ведь так делают все; разве не правильно, что «с волками жить — по-волчьи выть?» И зло — яд лукавства и пронырства — перешло через наши уста в душу ближнего.

О том, как можно неосторожно словом погубить человека, так рассказывала одна старлица: «Вы проходите по трамваю и неосторожно задеваете одного из пассажиров. Он делает вам резкое замечание. Вместо того, чтобы просто извиниться, вы сами раздраженно обвиняете его в неловкости. Происходит обычная трамвайная ссора. Но послушайте, что из этого вышло. Этот пассажир был на грани психического расстройства и боролся с мыслью о самоубийстве. Трамвайная ссора еще больше усугубила мрачное состояние его души и, как последняя капля на чашу весов, нарушила его колебание в сторону самоубийства. Он кончает с собой, а вы должны причислить себя к убийцам».

Вот универсальный совет **архиепископа Иоанна** об употреблении слова: **«Хорошо ничего не говорить, чего нельзя было бы оставить навсегда в душе другого человека».** Обличая наше пустословие, он писал: **«О пустом мы говорим глубоко (т.е. много), а о глубоком мы говорим пусто»** (т.е. говорить не умеем).

РАССУЖДЕНИЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЛОВЕ В СРАВНЕНИИ СО СЛОВОМ БОЖИИМ

**Пожелание последовать цели Григория Богослова.
Святитель Игнатий Брянчанинов (из письма)**

...Искренно благодарю Вас за посещение меня грешного; этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомиться меня с стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. Все дары Бога человеку достойны уважения. **Дар слова, несо-**

мненно, принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово.

Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем — уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно. Слово человеческое ведомо одному уму, из которого оно постоянно рождается и тем выражает существование ума. Существование ума без слова и слова без ума мы не можем представить себе. Когда ум захочет сообщить уму ближних, он употребляет для этого свое слово. Слово, чтоб приобрести способность общения, облекается в звуки или буквы. Тогда невещественное слово делается как бы вещественным, пребывая в сущности своей неизменным. И Слово Божие, чтоб вступить в общение с людьми и спасти их, вочеловечилось.

При основательном взгляде на слово человеческое делается понятна и причина строгого приговора Господня, которым определено и возвещено, что люди дадут отчет в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение людей. **Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!** Святой Григорий Богослов писал стихами с возвышенною, глубоко благочестивою целию: доставить христианскому юношеству чтение и образы в поэзии, сделать для них ненужным изучение языческих поэтов, дышащих сладострастием и прочими страстями, дышащих богохульством.

Искренно желаю и для Вас цели Богослова, находя Вас способным в известной степени удовлетворить этой цели, и мзда Ваша будет многа на земле и на небе. Возложите на себя иго этой цели, как обязанный в свое время представить отчет в данном вам таланте Подателю его. Возложите на себя труд достигнуть этой цели. Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение молитвою покаяния, которою Вы занимаетесь: из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших.

Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши и, при свете совести Вашей, просвещенной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. **Горе смеющимся ныне!** Это слова Христовы! Это определение, исшедшее от Бога! Невозможно устранить их никаким словоизвинением.

Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние.

Необходимо установить в сердце залог верности Христу, а отпадения сердца от верности, по немощи нашей, врачевать немедленно покаянием и устранением от себя действий, внушенных неверностию, соделанных под влиянием духа и духов, нам льстящих и вместе жаждущих погибели нашей. В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостью духовною!

О себе не говорю Вам ничего: Вы увидели больше, нежели сколько могу сказать. И паки благодарю за труд, принятый Вами для посещения меня, призывая на Вас благословение Божие и прося Ваших святых молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть...

БЕСЕДА С БЛИЖНИМИ

За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда

(Мф. 12, 36)

Что такое «праздное слово»? «Праздное» — это значит лишнее, ненужное, не вызванное нуждой.

Почему же так строго говорит Господь об ответственности за праздное слово? Нам оно кажется таким пустяком!

Но дело в том, что в положении и состоянии христианина нет как бы срединного, безразличного состояния. Одно из двух: или он в Духе Святом — в святости и творит дела и говорит по воле Божией; или, наоборот, он в рабстве у своего врага и послушно выполняет его волю в делах и в словах.

А уж лукавый не упустит того, чтобы в наши слова вложить каплю своего змеиного яда, хотя, на первый взгляд, в этих словах и не было чего-либо предосудительного.

Но если внимательно разобрать эти «праздные» слова в наших беседах, то в них всегда можно найти закваски страстей — тщеславия, гордости, неприязни и осуждения ближнего, проявления маловерия, зависти и т.д. И, таким образом, всякое такое слово противно Богу и поэтому является грехом.

Преп. Антоний Великий пишет, что **«Св. Дух (в христианине) ничем так не погашается, как суетными беседами»**. При этом можно заметить, что бесполезная трата времени в разговорах сильнее проявляется, если в разговоре участвует много лиц.

Разговоры душевные, утешающие, ободряющие и питающие душу — это, обычно, диалоги. Уже третий собеседник, чаще всего, мешает в таких случаях откровенности и стесняет. Недаром у японцев сложилась поговорка: **«Там, где беседуют более двух человек, там потерянное время»**.

Лишь при беседе вдвоем душа может всецело отдаться собеседнику, соприкоснуться тесно с его душой, согреть ее вниманием, любовью, участием, разделить с ним горе, перелить в него свою бодрость, веру и жизнерадостность. Так служат миру старцы. Так должна подражать им и всякая христианская душа, стяжавшая в какой-то мере любовь, веру, мир и духовную бодрость.

А вот и еще обстоятельство, на которое мы обычно не обращаем внимания при разговорах. Мы мирно беседуем с ближним, рассказываем ему про себя, сообщаем новости и т.п. Пусть в этом не было зла, но если в разговоре не было необходимости, и нами не руководили благие чувства — утешить, посочувствовать ближнему, научить его чему-нибудь полезному, дать благой совет, сообщить необходимые ему сведения и т.п., — если этого всего не было, то сколько времени мы погубили и у себя, и у ближнего — мы обокрали и его, и себя, **растратили и его, и свои «таланты» (время) попусту!**

Вот почему, по наставлениям св.отцов, во всяком необходимом разговоре с людьми мы должны соблюдать краткость и уклоняться от бесполезного многословия.

Как пишет о.Александр Ельчанинов: **«Между духовным ростом и многословием — обратная пропорциональность**. Легка и соблазнительна замена духовного напряжения болтливостью. В этом — соблазн всякого «учительства». Поэтому до того, как что-либо рассказывать ближнему, надо подумать о том, обогатит ли ближнего этот рассказ духовно и действительно ли ему надо его знать по какой-либо серьезной причине?

Как говорил старец Варсонофий Оптинский: **«В раю много покаявшихся грешников, но болтливых — ни одного»**. Рассказывая, нужно выбросить все ненужные подробности и стараться занять у собеседника как можно меньше времени и внимания.

Лаконичность в словах — великое достоинство слова. Как говорил старец Парфений Киевский, **«многоречие отгоняет благодать и погубляет теплоту души»**.

Как всем известно, длительные беседы могут сильно утомлять, и их следует избегать. Но если уж они были необходимы, то они должны вестись неторопливо, с постоянной памятью о Боге и с мирным состоянием души. Это предохранит от излишнего утомления.

Христианину надо осторожно относиться к рассказыванию анекдотов и избегать тех из них, которые кого-либо порочат, содержат насмешку над ближними и начальниками или грешат против целомудрия. Шутка уместна лишь тогда, когда она будет поддерживать бодрость ближних и предохранять их от уныния, тоски, усталости и т.п.

Также надо стараться в беседах переводить темы из греховных (например, при осуждениях, при порочащих ближних рассказах и т.п.) или пустых — на темы духовные (с верующими людьми) или хотя бы полезные для ближних.

Про необходимость величайшей осторожности в беседах так говорит св.Нифонт Цареградский: **«Тот, кто не хранит всегда уст, если и весь год постится, не получает никакой пользы»**.

В беседах с ближним важно не только то, что нами было сказано, но также и то, как, с каким чувством мы с ним говорили. Ближнего можно обидеть не только словами, но также тоном голоса, манерой произнесения слов. За последними кроется то чувство, которое диктовало слова. Это чувство идет от сердца и может или согреть любовью, лаской, нежностью, или, наоборот, бить ближнего без удара, унижать и оскорблять без пощечины.

С другой стороны, одними только ласковыми, милыми словами по отношению к ближним можно нажить себе духовный «капитал». Отец одной христианки отличался необычайной добротой в жизни и, вместе с тем, свою помощь к людям сопровождал необходимой ласковостью к ним. Уйдя на тот свет, он в одном сне явился дочери и сказал ей: **«Знаешь ли ты, что каждое ласковое слово при жизни служит вечности?»**

Старец Амвросий Оптинский некоторых из своих близких духовных детей называл иногда «дураком». Но это название, оскорбительное по существу, не только не оскорбляло, но согревало и радовало сердца слышавших его. Они слышали в нем ту любовь, которой наполнено было к ним сердце старца и которая светилась в его очах.

Вот почему ап.Павел писал: **«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий»** (1Кор.13, 1).

По словам свт.Тихона Задонского — **«Любовь сыщет слова, которыми можно созидать ближнего. Она представит способ, ум и язык твой направит, и дело это не требует красных речей»**.

Итак, основным требованием к слову в беседах является то, чтобы оно шло от сердца, исполненного любовью к ближнему. И когда слово «осолено» любовью, то человек не может погрешить, хотя бы с внешней стороны оно и было безупречно. Наоборот, можно обидеть, оскорбить или унижить ближнего при внешней видимости порядочности и безобидности слова, если в душе будет превозношение над ближним или желание обесчестить или унижить его.

Не только любовью должно быть проникнуто слово, но также смирением перед ближним, глубокой верой в Бога, надеждой на Его промысел, мудростью, рассудитель-

ностью и другими добродетелями. Такое слово будет привлекать ближнего, смягчать его сердце, вселять в него веру и надежду на Бога — будет очищать и возвышать его душу. Здесь мы приходим к уже ранее выведенному положению. При здоровье души, при чистоте сердца, при наличии в христианине Св. Духа Божия у него будет и благое доброе слово, которое будет служить на пользу людям.

В привычку должна войти и наша склонность в беседах с ближними говорить не о своих, а об их делах и интересах. Этим мы исполним заветы ап. Павла: **«Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими»** (Рим.12, 15) и: **«Мы должны сносить немощи бессильных и не себе угождать»** (Рим.15, 1). Своим участием и сочувствием мы можем облегчить скорбь ближнего, можем помочь ему своим словом, поделиться опытом и знаниями.

Праздные же рассказы о себе и своих делах свидетельствуют о нашем самомнении, тщеславии и эгоистической установке нашего духа с фиксацией внимания на себе и своих интересах («эгоцентризм» или «автоэротизм»). Это не относится, однако, к тем случаям, когда мы сами нуждаемся в совете или ищем утешения и ободрения у сильнейших нас духом.

Очевидно, что при разговорах нам надо помнить и указание Господа: **«Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»** (Мф.7, 6). Отсюда следует, что при беседах надо хорошо учитывать духовный возраст, духовное состояние и все душевные особенности собеседника.

Старцы Варсонуй Великий и Иоанн говорят: **«Ты должен рассмотреть, кому говоришь. Когда ты знаешь, что слушающий получает пользу, тогда побеседуй с ним, а иначе не нужно беседовать».**

На то же указывал и преп.Серафим Саровский, который говорил: **«С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах, с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных. В мире о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в человеке не примечается и желания к слушанию».**

Этот совет надо помнить особенно нам, живущим в период массового отступления от веры.

Об этом так пишет архимандрит Иоанн: **«Иногда перед Богом стыдно бывает говорить о Нем людям. Мир инстинктивно понимает, что в той обстановке, в которой он находится все время — меньше греха молчать о Христе, чем говорить о Нем. И вот люди молчат о Боге. Страшный симптом. Наводняется мир легионами слов, одержим язык человека этими пустыми легионами, — и ни слова, почти ни слова о Боге, о Начале, Конце и Средоточии всего».**

Следует упомянуть также, что Оптинский старцы говорили, что о чудесах можно рассказывать только верующим людям.

Но, вместе с тем, как пишет о.Александр Ельчанинов, **«не особенно скрывайте от товарищей свою религиозность. Неожиданно ты можешь встретить сочувствующих, вопрошающих, заинтересованных. Одним словом, не старайтесь скрывать перед людьми свою истинную сущность под общей маской легкомыслия и пустоты».**

Кроме того, нам нельзя, зная что-либо предосудительное о ближнем, отворачиваться от него. Приветливость со всеми — обязанность христианина.

«Не говори бессердечных слов: «У меня нет с ним ничего общего», — пишет св.Иоанн Златоуст. — У нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего».

А архиепископ Арсений (Чудовский) говорит так: **«Когда ты видишь несчастного падшего человека, не питай к нему брезгливости, а лучше в это время пытай гневом на врага человеческого рода, одержавшего человека той или иной страстью, на самого же человека смотри с любовью, ласкою, умилением и так думай: ведь и я могу очутиться в таком же состоянии, если и меня враг сею страстию полонит».**

СЛОВО О МНОГОГЛАГОЛАНИИ И МОЛЧАНИИ

Прп.Иоанн Лествичник

1. В предшествующем слове мы сказали кратко о том, сколь бедственно и вредно судить ближних, вернее же, самим судимыми быть и страдать от собственного языка, то случается и с мнимо духовными мужами. Ныне же порядок требует, чтобы мы показали причину сего порока и дверь, которую он входит в нас, или, вернее, которую он из нас исходит.

2. Многоглаголание есть седалище, на котором тщеславие любит являться и торжественно себя выставлять. Многоглаголание есть признак неразумия, дверь злословия, руководитель к смехотворству, слуга лжи, истребление сердечного умиления, призывание уныния, предтеча сна, расточение внимания (У Паисия Величковского: сетования.), истребление сердечного хранения, охлаждение святой теплоты, помрачение молитвы.

3. Благоразумное молчание есть мать молитвы, воззвание из мысленного пленения, хранилище божественного огня, страж помыслов, соглядатай врагов, узилище плача, друг слез, делатель памяти о смерти, живописатель вечного мучения, любоиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвия супруг, противник любоучительства, причащение разума, творец видений, неприметное преуспеяние, сокровенное восхождение.

4. Познавший свои прегрешения имеет силу и над языком своим; а многоглаголивый еще не познал себя как должно.

5. Любитель молчания приближается к Богу и, тайно с Ним беседуя, просвещается от Него.

6. Молчание Иисусово постыдило Пилата, и безмолвие уст благочестивого мужа упраздняет тщеславие.

7. Петр Апостол изрек слово и потом плакася горько, забыв изречение Псалмопевца: **«Рех сохранию пути моя, еже не согрешати ми языком моим»** (Пс.38, 1); и слово другого мудрого мужа: **«Лучше пасть с высоты на землю, нежели от языка»** (Сирах.20, 18).

8. Но не хочу много писать о сем, хотя коварство страстей и побуждает меня к тому. Впрочем, скажу, что я узнал некогда от одного человека, который беседовал со мною о молчании уст. **«Многоглаголание, — сказал он, — рождается непременно от которой-нибудь из сих причин: или от худой и невоздержанной жизни и привычки (ибо язык, будучи естественным членом сего тела, чему научится, того по навыку и требует); или, что наиболее бывает в подвизающихся, от тщеславия, а иногда и от многоядения».** Посему часто бывает, что многие, с некоторым насилием и изнеможением укрощая чрево, обуздывают вместе и язык и многословие.

9. Кто возымел попечение об исходе из сей жизни, тот пресек многословие; и кто приобрел плач души, тот отвращается многоглаголания как огня.

10. Возлюбивший безмолвие затворил уста свои; а кто любит выходить из келии, тот бывает изгоним из нее страстию многоглаголения.

11. Познавший благоухание огня, сходящего свыше, бегаёт многолюдных собраний, как пчела — дыма. Ибо как дым отгоняет пчелу, так и сему нетерпимо многолюдство.

12. Немногие могут удержать воду без плотины; и ещё менее таких, которые могут удерживать уста невоздержанные.

О МНОГОГЛАГОЛАНИИ

Епископ Иеремия Затворник

Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устах моих.

Эта молитва, к прискорбию, мало действующая в нас против многоглаголения — порока сколько губельного, столько же обыкновенного и в мирских домах, и нередко в иноческих келлиях, когда сойдутся два-три брата. Побеседуем о многоглаголении: что оно есть?

Ответ. Многоглаголение отцы изображают кратко, но резко. Многоглаголение есть седалище тщеславия, знак невежества, дверь клеветы, суесловия, буесловия и лжи, истребление сердечного умиления, рассеяние мыслей, нехранение сердечной чистоты, погашение душевного усердия, расслабление в молитве, повод к непорядочным и скверным представлениям во сне.

Вопрос. От чего происходит многоглаголение?

Ответ. Слышал я, говорит Лествичник, от одного достоверного человека, который, беседуя со мною о безмолвии, сказал, что многоглаголение происходит от которого-либо из сих двух источников: или от худого и невоздержанного обращения и привычки, или, что более случается с подвижниками, от тщеславия, а иногда от пресыщения.

Вопрос. Чем побеждается многоглаголение?

Ответ. 1) Познавший свои грехопадения удерживает язык свой, а многоглаголивый не познал себя так, как должно. 2) Воспоминающий об исходе от жизни сей пресекает свои речи, и стяжавший духовное рыдание отвратился от многоглаголения, как от огня. 3) Познавший сладость любви Божией от многолюдства и от многословия убеждает, как пчела от дыма.

Вопрос. Что говорят отцы о важности и трудности обуздания языка?

Ответ. Обуздание языка сколько важно в деле иноческом, столько же и трудно: важно, ибо обуздавший язык одним ударом рассекает крепко сплетенный узел пороков многих; трудно, ибо редкие могут удержать воду без плотины, а ещё реже такие, кои в состоянии обуздывать уста невоздержанные.

Вопрос. Какие наипаче пороки происходят от многословия?

Ответ. Ложь, клевета и осуждение — пороки, которые, если войдут в келлию инока, делают её отвратительною для Ангела. От дерева и камня рождается огонь, от многословия происходит ложь, говорит Лествичник.

Вопрос. Как о важности греха сего говорят отцы?

Ответ. Никто из благоразумных не сочтёт ложь за малый грех. Ибо Дух Святой страшнейшее паче всех пороков изрекает на неё определение. **Аще погубиши**, — глаголет Давид к Богу, — **вся глаголющая лжу..**, то чего надеяться тем, кои шивают ложь с клятвопреступлением.

Вопрос. Во всех пороках мы замечаем различие и степени: какое различие и во лжи бывает?

Ответ. Есть ложь от страха наказания, и есть ложь без всякой опасности. Есть ложь злонамеренная, чтобы нанести вред ближнему. Та и другая примут разные наказания. Иной лжет для веселости, чтоб в присутствующих смех возбудить. Видал я, говорит Лествичник, таких, кои ложь за честь себе поставляли и, пустословием своим производя смех, благоговейным людям плакать и духом сокрушаться не давали.

Вопрос. Какую хитрость при сем употребляют диаволы?

Ответ. Когда диаволы увидят, что мы с самого начала от слушания красных слов, скучным рассказчиком произносимых, хотим удалиться, то они стараются нас удерживать, внушая нам сии два помысла: не опечаливай сего брата, чтобы не показаться благочестивее всех здесь находящихся. Или же сам один отойди; иначе при молитве твоей представятся тебе смешные воображения.

Вопрос. А отцы как советуют поступить?

Ответ. Не только сам, говорит Лествичник, бежи от злого сего собрания, но и всех собравшихся старайся разогнать напоминанием смерти и Страшного Суда Божия. Лучше тебе на сей раз показаться несколько тщеславным, чтоб делом самым доставить всем душевную пользу.

Вопрос. Чем можно предохранить себя от лжи?

Ответ. Стяжавший страх Божий чужд лжи, имея при себе беспристрастного судью — совесть. Правительство прогоняет ложь посредством истязаний; но обилие слез совершенно оную истребляет. Не знает младенец лжи; не знает оной и душа незлобивая. Вином подвеселившийся и поневоле всегда говорит правду: так слезами умиления упившийся никогда не может солгать. Итак, видим, что требуется для сохранения себя от лжи, которая есть исчадие адское и отцом своим имеет сатану. — Требуется страх Божий, незлобие, чистосердечие, умиление, слезы.

Помолимся Духу Святому — Духу истины, да даст нам сии добродетели, всякую ложь и лицемерие из сердца и из келлии инока истребляющие.

НАСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, КАК ГОВОРИТЬ О РЕЛИГИИ

Святитель Игнатий Брянчанинов (из письма)

Вы пишете: «Очень рада, что приказали мне не говорить ни с кем о религии и проч.» Неправда!

Вот, что Вам было написано от слова и до слова: **«В преподавание «советов» не надо бы Вам очень пускаться, а со смирением от них отказаться.** Когда же принудят, то сказать нечто слегка, предоставляя дело Богу и проч.»

Говорить о религии и преподавать советы — великая разница: поймите! И последнее я Вам не воспретил, а только сказал, чтоб Вы делали это со страхом Божиим, с крайнюю осторожностью и умеренностью.

Не доложить бремя на ближнего — не беда; переложить — и ближний удобно может повредиться неисцельно, на всю жизнь сделаться ни к чему не способным. Говорю Вам это с сердечными слезами, от зрения и испытания многих горьких опытов! А сохрани меня Боже посоветовать Вам, в нынешнее скудное время, скрывать от ближних то малое, но превосходящее сокровище всего мира, знание о Боге, которое получено Вами не без подвига и страдания, по особой милости Божией.

Ныне много разнородного знания, лишь знание истины ушло от людей. — Прекрасная русская поговорка: **«Недосол на столе, а пересол на спине»**. Итак, не прогневайся, душа, за то, что в прошедшем письме моем **твоей спинке досталось несколько ударов от жезла — слова. Это было за пересол!**

ДОБРОЕ СЛОВО

Исходит из уст ваших только доброе слово

(Еф. 4, 29)

К ряду слов христианину надо себя приучить и употреблять эти слова в разговоре как можно чаще. К таким словам относится, прежде всего, слово «прости».

Преп.Антоний Великий учит: **«Приучи, чтобы язык твой говорил при всех встречающихся случаях всегда, во всякое время, всем братьям и Самому Всевышнему Богу — «прости меня».**

Слово «прости» сразу смиряет нас перед Богом и ближними, говорит о сознании своей вины, сожалении, раскаянии в ней.

При этом очень важно то чувство, с которым говорится слово «прости». Его можно произнести холодно, как бы вынуждено и без чувства вины и раскаяния. Тогда оно не имеет силы, не примиряет, не соединяет сердца, не очищает души.

Поэтому оно должно быть непременно **«осолено»** (Мк.9, 49), т.е. растворено любовью, смирением и кротостью. Тогда оно имеет полноту духовной силы.

Говорить надо «прости» не только тогда, когда вы сильно повредили ближнему или резко обидели его. В этих случаях уже мало говорить «прости», надо броситься перед ближним на колени.

Нет, слово «прости» должно быть произносимо всегда, когда мы видим хотя бы малейший оттенок недовольства по отношению к себе, начало зарождения обиды, дымку нерасположения и т.п. Эту опасность по отношению ко взаимной любви надо устранять в самом начале и самому искать сближения и искренно просить прощения даже и тогда, когда нет сознания своей вины; вины можно и не заметить за собой, хотя она и была.

Как пишет схиархимандрит Софроний: **«Всякий человек во всяком деле много может сказать в свое оправдание, но если он внимательно посмотрит в сердце свое, то увидит, что, оправдываясь, не избегнет лукавства».**

Смущенная душа ближнего требует от нас действительной любви, которая, как говорит ап.Павел, **«не ищет своего»** (1Кор.13, 5), т.е. **не ищет оправдания себя и осуждения ближнего, а с готовностью жертвует своим самолюбием и с легкостью принимает вину на себя, лишь бы вернуть мир и любовь ближнего.**

Надо приучить себя и к слову «пожалуйста». С этим словом наши просьбы делаются смиренными, вежливыми, лишаются оттенка требовательности и поэтому располагают ближнего к исполнению нашего желания.

Нам необходимо приучить себя и к наиболее почтительным и ласковым именам. Пусть слышат родители любовь к ним детей при словах «папочка» или «мамочка», а дети — ответную ласку при словах «сынок» или «дочка» и нежных названиях «Колыша», «Наташенька» и т.п.

ПРОТИВ ЛЖИ

*Всех лжецов участь в озере,
горящем огнем и серою*

(Откр. 21, 8)

Очевидно, что слова христианина должны быть правдивыми, отражать лишь истину и вызывать к себе полное доверие собеседников. По словам Господа, ложь — от лукавого, ибо **«он лжец и отец лжи»** (Ин.8, 44). А как говорит Св.Писание, **«всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою»** (Откр.21, 8).

Сам Господь есть воплощение истины (Ин.14, 6). А в христианине должен жить Христос. Поэтому христианин остается христианином лишь до тех пор, пока живет в истине и избегает лжи во всех ее проявлениях и видах.

Ложь несвойственна душе человеческой как образу Божию. Ребенок, пока он не испорчен, не может и не умеет лгать. И если он сделает это, он покраснеет от стыда, как сделавший что-то в высшей степени скверное и пачкающее его душу.

Так же будет реагировать всякая чистая душа, которой ложь претит. Если такой человек солжет, то он переживает это так, как быдто он запачкал грязью свою чистую и белоснежную до того одежду души.

Во всех народах, во всех слоях общества и во все времена лгуны вызывали и вызывают презрение. Но следует сказать, что если открытая ложь так всем претит, то различные виды тонкой, прикрытой лжи распространены всюду, и их не избегают и многие христиане.

Такой малозаметной ложью является склонность приукрашивания в разговоре, преувеличение, предвзятая неточность в изложении фактов, одностороннее освещение вопроса и т.п. Пусть это не яркие черные пятна на нашей духовной одежде, а серые, но по большому количеству своему они также лишают чистоты одежду нашей души.

Разновидностью лжи является притворство, которое противоположно добродетели — искренности. Последняя будет прочно усвоена нами, если наше сердце будет открыто для всех и всем будет искренно желать добра, никого не будет судить и осуждать. Тогда как бы само собой исчезает и наше притворство, так как у нас не будет нужды словами скрывать от людей свои недоброжелательные чувства к ним.

Сильно распространено легкомысленное давание обещаний с последующим их невыполнением. Невыполнение обещаний считается каким-то пустяком, в то время как это является настоящим обманом.

Христианин должен очень осторожно давать обещания, и то в условной форме с оговоркой — **«если Бог даст»**, т.е. если не помешает что-либо, от человека не зависящее. Но уже если дано обещание, то все должно быть сделано, чтобы выполнить обещание точно и в срок: христианин должен быть духовно чистоплотным и щепетильным и в мелочах, ибо **«в малом ты был верен, над многим тебя поставлю»** (Мф.25, 23).

В старом христианском русском быту на точное выполнение обещанного обращалось большое внимание. Так, среди лучших представителей русского купечества было такое мнение. Если человек брал в долг и обещал вернуть деньги в 12 часов известного числа, то он должен их принести точно в 12 часов. А если он принесет их позднее, хотя бы и в назначенный день, то к нему пропадало уже всякое доверие.

Самым тяжким грехом против правды является нарушение клятвы — обещания, сделанного перед лицом святыни — креста и Евангелия. Страшно бывает наказание от

Бога за этот грех и иногда падает не только на самого клятвопреступника, но даже и на его потомков.

БЛАГОДАРЕНИЕ БЛИЖНИХ

За все благодарите

(1Фес. 5, 18)

*Благодарность приемлющего побуждает
дающего давать дары больше прежних*

(Преп.Исаак Сирианин)

Милость Божия часто проявляется к нам через посредство людей. Тогда нам необходимо проявить и к ним благодарность в самых больших, ярких и действенных ее формах.

Поэтому привычкой должно сделаться для нас и выражение постоянной нашей признательности к ближнему за его помощь и услуги нам, хотя бы и мелкие. Поэтому слово **«спасибо»** должно как можно легче и чаще сходить с нашего языка и быть растворено сердечным чувством.

За наиболее важные благодеяния пусть не стыдится христианин поклониться благодетелю в ноги, не стыдится целовать его щедрые руки и в горячих, от сердца идущих словах возблагодарить за оказанное им добро и почитать его с тех пор как своего благодетеля.

Конечно, не только внешнее благодарение должно иметь место в подобных важных случаях, но и искренняя, сердечная и постоянная молитва за своего благодетеля.

Что же касается более мелких случаев — услуги, помощи, оказания любезности и т.п., то и здесь мы должны также от всего сердца благодарить ближнего.

За всех же наших благодетелей, как живущих, так и почивших, нам следует усердно молиться и помещать их имена в записочках, подаваемых в Церкви на проскомидию, на молебны или на панихиды.

Постоянное чувство подобной признательности к Богу и к нашим ближним будет и облагораживать нашу душу, и приносить нам большую духовную пользу.

Об этом так пишет св.прав.Иоанн Кронштадтский: **«Для чего нужно за все благодарить Бога и добрых благодетельных людей? Больше для нашей же пользы, чтобы нежнее, тоньше были чувства нашей души, чувство зависимости нашей во всем от Бога и от добрых людей, признательной к ним любви, и чувство нашего ничтожества без Бога, чувство нашей немощи обойтись без помощи добрых людей».**

Само собой разумеется, что не только в словах благодарения и в молитвах за благодетелей мы должны воздавать всем делающим нам доброе, но, когда возможно и встретится к тому случай, мы должны и делом, и нашей помощью отблагодарить наших друзей: здесь опасен хотя бы и малейший оттенок проявления «черной неблагодарности».

Особенно опасна последняя в том случае, если мы после периода нашей слабости или бедности будем иметь и силу, и достаток и сами будем способны проявлять благотворительность. Тогда добродетель благодарности к Богу за все блага, щедро посылаемые нам от Бога, потребует от нас доказательства нашей признательности на деле, избегая той «ложной благодарности», о которой так пишет св.Иоанн Кронштадтский: **«Что есть ложная благодарность к Богу? Ложная благодарность, когда, получая от Бога**

щедрые, незаслуженные дары духовные и вещественные, языком благодарят за оные Бога и употребляют только в свою пользу, не разделяя их с ближними; получают и скрывают их в своих сокровищницах, сундуках, книгохранилищах, лишая чрез то многих братьев своих духовного просвещения, назидания, утешения или пищи, питья, одежды, жилища, врачевства в болезни или передвижения с места на место для добывания средств к продовольствию.

Такая благодарность есть ложная и богопротивная. Это значит: языком благодарить, а делом являть крайнюю неблагодарность и злонравие. А как много таких благодарных, или, вернее, неблагодарных».

ПОХВАЛА И ЛЕСТЬ

Я питал вас молоком, а не твердую пищу
(1Кор. 3, 2)

Очень мудрую и интересную формулировку нашего поведения в отношении окружающих нас дает преп.Исаак Сирианин, который пишет:

«Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Целуй его руки и ноги, обнимай их часто с великой честью, возлагай их на глаза себе и хвали его даже за то, чего он не имеет.

А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее и что ни есть досточестного. Ибо этим и подобно этому привлечением его к добру заставишь его стыдиться от той чести, которую ты оказываешь ему и посеешь в нем семена добродетели.

От такой приобретенной тобою привычки на тебе отпечатается добрый образ, ты приобретешь в себе высокое смирение и без труда преуспеешь в великом. А сверх того, если чествуемый тобой и имеет какой недостаток, то легко примет от тебя исправление, пристыженный той честью, какую ты оказал ему.

Пусть всегда будет у тебя этот нрав — ко всем быть благоприветливым и почтительным. Никого не огорчай по причине злых дел и никому не завидуй. Не берись ко-го-либо и в чем-либо порицать и обличать».

Некоторые положения из этого замечательного наставления преп.Исаака могут вызвать недоумение. Преподобный велит в глаза человека «хвалить его даже за то, чего не имеет». Но ведь это будет неправдой, здесь будет то, что называют лестью! Вместе с тем, говоря так, мы будем, возможно, развивать у ближнего тщеславие?

Чтобы понять эти кажущиеся противоречия, приведем аналогию. Полезны ли лекарства? Чаще всего лекарство — это яды и могут только вредить здоровому организму. Но принятие их в соответствующей дозе вылечивает болезнь. Следует учесть также, что те, кто нас окружает, в громадном большинстве духовно больны (грехом) и требуют лечения.

Нелегко найти путь к их сердцу. А без этого ни наши слова, ни наш пример не будут на них действовать. И только стяжав их глубокое расположение к себе (а если возможно и любовь), мы получим возможность влияния на них и через это достигнем и их исправления. Вот ради такой великой цели, следуя добродетели рассудительности, и рекомендует преп.Исаак и преувеличение, и потворство тщеславию.

Об этом свидетельствует и **игумения Арсения**, исходя из своего собственного опыта: «Похвала, иногда и просто по-человечески приятная и ласкающая самость, бывает полезна, как ободряющая унывающий дух.

Бывало, при матушке (старлица Ардалиона Усть-Медведицкого монастыря) почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей и придешь к матушке с просьбой, чтобы она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению.

Матушка, действительно, начнет уверять — и так серьезно и сильно, что я поверю и утешусь и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и ее употребляла, как оружие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражьей. Так «десными» и «шуиями» соделывается наше спасение».

Здесь следует, однако, оговориться. Применять в жизни указание о пользе похвалы преп.Исаака Сирианина и матушки Арсении **целесообразно лишь для духовно немощных христиан, требующих ободрения и поощрения на узком пути ко спасению.**

В том же случае, когда христианин идет ко спасению достаточно твердыми шагами и не нуждается в костылях, то слова похвалы могут быть ему и во вред, всевая в него прилоги гордости и тщеславия. Как пишет преп.Иоанн Лествичник, **«одним святым свойственно без вреда слышать себе похвалы».**

Схиархимандрит Софроний так пишет об этом: **«Благодать Божия не допускает истинного христианина говорить своему собрату похвалу, которую даже совершенные нередко не могут понести без вреда. Похвалы говорятся только в том случае, когда кто-либо изнемогает от отчаяния».**

Также Оптинские старцы считали, что похвала в лицо может принести вред душе христианина.

Поэтому подвижники благочестия боялись похвалы, боясь превозношения и потери смирения, а с ним и благодати Господней. Старец Анатолий Оптиной пустыни услышал, что о.Иоанн Кронштадтский видел его в видении молящегося в сослужении ангелов. Услышав это, о.Анатолий даже захворал; затем он постился и молился, чтобы Господь изгладил из его ума мысль о слышанном.

«ГНИЛЫЕ» СЛОВА, НАСМЕШКИ, СМЕХОТВОРСТВО И СПОРЫ

*Никакое гнилое слово да не
исходит из уст ваших*

(Еф. 4, 29)

Горе вам, смеющиеся ныне

(Лк.6, 25)

Всякое осуждение ближнего следует, конечно, отнести к словам «гнилым». Но, кроме осуждения, еще многие слова являются «гнилыми».

Можно ли спорить при разногласиях в чем-либо с ближними? Св.отцы — Варсонофий Великий и Иоанн — предлагают держаться в этом случае следующего порядка: **«Три раза говори другому (свое предложение), и если не захочет, оставь его, потому что спорить — худое дело. И во всяком случае, предлагают ли тебе принять помощь или ты желаешь подать кому-нибудь руку (помощи), говори свое мнение до трех раз и, если он не согласится, перестань с миром и не оскорбляй его. Таков истинный путь Божий».**

Поэтому никогда нельзя себе позволять спорить с ближними. Спор, в обычной его форме, несет раздражение и поэтому бывает вреден, как лишаящий душу мирного

устроения и сопребывания в ней Духа Св.Божия. Вместе с тем, спор бывает безрезультатен, если спорящим руководит желание настоять на своем, как это большею частью бывает, а не найти истину.

Св.отцы велят даже не только не участвовать в споре, но и уходить из того места, где спорят. Поэтому не следует в чем-либо настойчиво убеждать ближнего. Лучшее средство убедить ближнего в какой-либо истине — это сохранить с ним и при разности мнений полноту любви в отношениях и усердно помолиться о нем Богу о просвещении его разума.

Чтобы избегать пререканий и споров с ближними, старцы предлагают не оправдываться даже тогда, когда христианин не чувствует за собой вины. Старец Оптинский Варсонофий говорил так своему духовному сыну: **«Самооправдание — не христианское дело. Не надо настаивать на своем»**. — **«А если я, батюшка, прав?»** — **«Все равно, прав или неправ — промолчи, когда обличают, а потом скажи: «Прости, виноват...» И за то, что ты скажешь, Господь тебе впоследствии откроет, что ты, действительно, был виноват»**.

И не только спор, но и всякий разговор в раздражении недопустим для христианина. Наличие раздражения свидетельствует о том, что с человеком нет Духа Божия; раздражение — это начало гнева и говорит о власти над раздраженной душой лукавого духа. Поэтому от разговоров в состоянии раздражения можно ждать только злого. Поэтому св.отцы предлагают **беседовать с ближними лишь при полном спокойствии духа**.

Преп.Варсонофий Великий дает по этому поводу такой совет: **«Когда беседуешь с ближним, рассуждай: если говоришь с ним со смирением, рассудительно и безмятежно, то продолжай разговор; если же что-нибудь не так, то удержи свой помысел; со смущением ничего не говори, потому что зло добра не рождает. Но потерпи, пока помысел твой успокоится, и тогда скажешь мирно»**.

Христианину надо бояться и тех слов, которые могут свидетельствовать о его превосходстве над ближними и, может быть, в какой-то мере о презрении к ним. Такими словами будут имена, оканчивающиеся на **«-ка»**: «бабка» (вместо бабушка), «Танька», «Юрка» и т.д. Кто привык называть так своих ближних, тот сам свидетельствует о наличии у него гордости — наиболее страшного душевного порока. Надо ли говорить о том, что христианин никогда не должен говорить бранных или неприличных слов, не иметь привычки в раздражении произносить «черное» имя, дразнить кого-либо и т.п.?

Кроме боязни необдуманности и поспешности в словах, мы должны также опасаться как-либо нечаянно обидеть или задеть самолюбие ближнего неуместной шуткой, двусмысленностью, смехом, иронией и т.д.

Смех вообще не согласуется с состоянием души в Духе Святом. Предосудительность смеха видна уже из того, насколько смех типичен и любим в безбожном мире. Здесь его культ, здесь любят, ищут, возвышают его жрецов — юмористов, сатириков и комиков — и преклоняются перед ними.

И если слезы ведут христианина по пути спасения, то, очевидно, смех ведет его в противоположную сторону. Христианин должен помнить слова Господа: **«Горе вам, смеющиеся ныне»** (Лк. 6, 25).

Как пишет преп.Исаак Сирианин: **«Ничто не делает нас столько сообщниками мира и тех, которые в мире преданы пьянству и блуду, и не удаляет нас столько от сокровищ премудрости и познания тайн Божиих, как смехотворство и дерзновенное парение мыслей»**.

Как пишет свт.Димитрий Ростовский: **«Остерегайся смеха. Смех собранное духовное богатство расточает: смех устраняет благодать Господню, губит память смертную, вызывает забвение Страшного суда. Смех есть признак детского нрава, сластолюбивого сердца, слабой, немужественной души».**

Поэтому одним из наиболее предосудительных видов осуждения является насмешка, где смехотворство соединяется с грехом осуждения и основывается на горделивом превознесении и отсутствии не только любви, но и простого уважения к человеку, который создан **«по образу Божию»** (Быт. 1, 27). Часто смех бывает над кем-либо, и тогда он не отличается от насмешки, т.е. тяжелой формы греха осуждения.

Вместе с тем, пишет о.Александр Ельчанинов: **«Смех (не улыбка) духовно обессиливает человека».**

Как пишет Н.: **«Страсть к злоречию и осмеянию других часто фарисейски облакает себя в тогу нравственного возмущения и, начиная с «невинных» сплетен, доходит до той «друзей клеветы ядовитой», которая ранит больше самых разных нападков врагов.**

А «сатирическое» отношение к жизни и людям от легкой, шутовой насмешки над мелкими слабостями и недостатками ближних может перейти в постоянное ядовито-издевательское осмеяние творения Божия.

Самомнение, нелюбовность в отношении к миру и людям, неуважение к Творцу и дерзкое присвоение себе права судить других — вот источник этого состояния души, исполненного духовного ослепления (грех Хама)».

В качестве образца беседы с ближним можно взять старца Силуана. Схиархимандрит Софроний так пишет о его манере разговора: **«Он никогда не смеялся до звука, никогда не говорил двусмысленно, не насмеялся и даже не подшучивал над людьми. На обычно серьезном, спокойном лице его иногда намечалась едва уловимая улыбка, не раскрывавшая губ, если только при этом он не произносил слова».** Вместе с тем, как добавляет схиархимандрит Софроний, **«спокойное, мирное, но вместе очень сильное глубокое желание овладевало душой — воспринять благоухание той сферы духа Христа, в которой дано было жить старцу».**

От смеха надо отличать веселость и безобидные шутки, которые помогают сохранять бодрость и предохранять от уныния. Здесь уместно вспомнить рассказ про преп.Антония Великого, когда тот шутил со своими учениками. Проходивший поселянин соблазнился этим и подумал: как такой великий подвижник допускает шутки? Преподобный узнал духом его мысли, подозвал к себе и, дав ему в руки палку, велел согнуть ее. Поселянин согнул. Преподобный велел согнуть еще более. Поселянин сказал, что если еще более согнуть, то палка сломится.

— Вот видишь, — сказал преп.Антоний, — и человека нельзя заставлять нести подвиги свыше сил, и если бы я не шутил иногда с моими учениками, то они впали бы в уныние и лишились бы той бодрости, которая поддерживает их теперь.

Однако при шутках нужна большая осторожность, чтобы ими кого-либо не обидеть. **«Остерегайтесь шуток и неосторожных слов»**, — говорил своим духовным детям Оптинский старец Варсонофий.

Язык. Великое дело обуздать его

Язык?! Нет зловреднее вещи под небесем. Желательно бы так устроить, чтобы за каждую с его стороны непозволительность что-нибудь его укалывало... (хоть бы булавка). Тогда бы он посмирнее был, а то как машинка, что песенки поет: как завели и пустили — и... пошла тилиликать. (Святитель Феофан Затворник)

От шутки до убийства

В начале этого столетия в Восточной Сибири среди инородцев ревностно проповедовал христианство миссионер **иеромонах Спиридон**. Ему поручалось также принимать и исповеди каторжников Нерченской тюрьмы. В его жизнеописании имеется описание следующего случая. Один из каторжан, совершивший два убийства, на исповеди поведал ему нижеследующее (дается в сокращенном пересказе):

«Я жил счастливо с женой и любил ее. Однажды я как-то неосторожно пошутил с нею. «А я тебя совсем не люблю», — сказал я ей. Эта шутка задела ее самолюбие, и в ответ я услышал: «И я тебя не люблю».

Считая эти слова за шутку, я не придал им никакого значения. Однако моя шутка сильно задела самолюбие жены, и она поддалась желанию мне отомстить.

Вскоре я уехал в служебную командировку на несколько дней. Вернувшись, я не застал жены дома. Я пошел к одному из своих холостых сослуживцев и застал там и свою жену. Мне показалось, что жена с какой-то неохотой вернулась со мной домой... Подозрение закралось в мою душу...

Я постарался проверить правильность моего подозрения. Вскоре удостоверился, что мое подозрение в отношении измены жены оказалось правильным. В тот момент жены не было дома. Сгоряча я схватил топор и бросился ее искать. Она опять оказалась в квартире моего холостого сослуживца. В припадке злобы я убил их обоих...»

Что может быть убедительнее этого трагического случая в отношении опасности злых или неуместных шуток?

О СМЕХЕ

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Есть два смеха: светлый и темный. Их сейчас же можно различить по улыбке, по глазам смеющегося. В себе его различить можно по сопровождающему духу: если нет легкой радости, тонкого, смягчающего сердце веяния, то смех — несветлый. Если же в груди жестко и сухо, и улыбка кривится, то смех — грязный. Он бывает всегда после анекдота, после какой-нибудь насмешки над гармонией мира. Искривляемая гармония мира искривляет душу человека, и это выражается в кривлении черт лица.

«Горе вам, так смеющиеся ныне, ибо восплачете» (Лк.6, 25). Заплачете! Потому что увидите, что приложили радость не к тому, к чему можно приложить, но к тому, что достойно муки.

«Благостная улыбка» есть зеркало найденной гармонии. Святые улыбаются не смеясь. Смех как полнота чистой радости есть состояние будущего века. **Блаженны плачущие ныне, ибо вы воссмеетесь**. Аскетический опыт осветления и преображения человека советует даже улыбаться, не открывая зубов (лучше немного меньше радости, чем хотя бы самая мимолетная нечистота в ней!).

«Анекдотический смех», которым смеются в кинематографах, театрах, на пирушках и вечеринках, которым легко осмеивают ближнего, смеются над слабостями и над достоинством человеческим, над совестью его и над грехами, для увеселения и для забвения печали, без смысла, и тщеславно смешая других, все это — **болезнь духа**. Можно сказать даже точнее: **это — симптом болезни духа**.

В мире духов живут нечистые духи; они видны бывают на лицах **«закатывающихся»** смехом... **Ангельская радость озаряет лицо улыбкой.**

Добрым смехом бесшумно развеять можно скопившиеся тучи злобной спорливости, ненависти, даже — убийства... Хорошим смехом восстанавливается дружба, семейный очаг.

«Едкий» смех — не от Бога. Язвительная улыбка, сарказм остроты, это — пародия на евангельскую соль мудрости. Пародия, искривляющаяся в улыбке.

«Острота» слова всегда взрезывает душу. Но острота, будучи даже одинаковой у двух ножей — хирургического и разбойничьего, — производит совсем разное действие. Одна, взрезывая, пропускает свет небесный и теплоту Духа или вырезает гноение, обрезает мертвость; другая — безблагодатная острота — режет, кромсает душу и часто убивает.

Остры только святые, и только святое остро. Грязные же духи пародируют остроту, и много людей в мире изощряется в «высказывании себя» через эти остроты.

Предел духовной нечистоты смеха: «гомерический хохот» — гоготание... Такой смех настигает людей недалеко от обильных трапез.

Блюдущий себя, **благоговеинствующий пред тайной своей жизни**, будет блюсти как всю свою жизнь, так и свой смех. Даже свою улыбку он соблюдет пред Богом. Все будет у него — помощью невидимых хранителей его — чисто и ясно.

Святые светили миру и плачем своим, и улыбкой. Как дети. Ибо только у детей — и у подлинно верующих во Христа людей — есть чистота жизни, видимая телесными глазами, даже в чертах лица.

Просто и чисто все у детей, еще не коснувшихся тленного духа. Смерть еще не выявилась в усмешке их смертной природы, им дана весна жизни как начаток и как воспоминание рая; и вот, они чисто смотрят, чисто смеются, нелукаво говорят, легко плачут, легко забывают свой плач...

«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное»... Ясно — почему.

Высшая похвала человеку — сказать: «У него детский смех»... смех непорочный, близкий к райской гармонии.

МОЛЧАЛИВОСТЬ И СДЕРЖАННОСТЬ В СЛОВАХ

...сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа...

(1Пет. 3, 4)

...буду обуздывать уста мои...

(Пс. 38, 2)

В течение всякого дня христианину надо стремиться и к проявлению молчаливости — заботливого ограничения себя в словах, не вызванных действительной необходимостью. Вместе с другими добродетелями молчаливость украшает человеческую душу.

Эта сокровенная красота не бьет в глаза, от многих закрыта и не просто распознается. Главными признаками для нее служат, по словам апостола Петра, наличие в человеке кротости и молчаливости.

Однако не всегда молчаливость и сдержанность в словах соединены с кротостью. Бывает иногда молчаливость, соединенная с ограниченностью — скудостью душевного содержания и нелюдимостью.

Но есть другая молчаливость, когда сердце человека отображает красоту Христову; тогда вместе со смирением и кротостью человек проявляет и молчаливость. Она как бы дополняет ту гармонию добродетелей, которая расцветает в душе истинного христианина.

Чаще всего молчаливость является природной чертой характера. Но ее можно и развить в себе, хотя это и нелегко. Так, древнегреческая школа пифагорийцев для начала обучения мудрости налагала на уста своих учеников длительное молчание. И всегда мудрецы всех веков одобряли молчаливость.

Премудрый Соломон пишет: **«Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою»** (Притч.13, 3); **«При многословии не миновать греха»** (Притч.10, 19); **«Голос глупого познается при множестве слов»** (Еккл.2, 2).

Один святой отец говорил: **«Я никогда не раскаивался в том, что смолчал, и очень часто сожалел о том, когда говорил»**. Преп.Варсонуфий считал, что **«многословие оскверняет человека»**. А преп.Антоний Великий пишет: **«Умен тот, кто Богу угождает и больше молчит, или если говорит, то говорит немного и только нужное и угодное Богу»**.

«В раю много покаявшихся грешников, а говорливого нет ни одного», — говорил старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры. А авва Агафон Египетский своим ученикам заповедал: **«Не давать себе воли говорить и вмешиваться в такие дела, которые тебя не касаются»**. Недаром народная мудрость говорит: **«Речь — серебро, а молчание — золото»**. Итак, при многословии трудно не согрешить. Тогда в душе появляется грусть, что является, по словам святителя Феофана Затворника, признаком **«того, что мы через разговор удалились от Господа»**.

Молчаливость — это, вместе с тем, исполнение заповеди Христа: **«И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»** (Мф.5, 30). На основе этих слов Господа при желании совершенно обезопасить себя от греха в слове некоторые подвижники брали на себя подвиг молчания. Последний, вместе с тем, имеет и еще положительные стороны: он дает возможность молчальникам все свое время посвятить молитве и вниманию к внутренней жизни, ничем не отвлекаясь от нее, никакими разговорами и беседами с людьми.

Преп.Иоанн Лествичник так говорит про связь молчаливости с преуспеванием в молитве: **«Благоразумное молчание есть мать молитвы... любитель молчания приближается к Богу и тайно беседует с Ним, просвещается от Него»**. А преп.Исаак Сирианин пишет: **«Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится в нас нечто приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить нечто, рождаемое молчанием. Если же начнешь молчаливым житием, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда... Если сохранишь язык свой, то от Бога дастся тебе, брат, благодать сердечного умиления, чтобы при помощи ее увидеть тебе душу свою и благодатию умиления войти в радость Духа»**.

Для тех же, кто думает о душе, ищет ее спасения, знает цену уединения, стремится жить внутренней жизнью и быть близким к Богу, для тех говорливые друзья или близкие являются помехой в их работе над собой, препятствием на пути к исканию внутри себя Царствия Небесного.

«Между духовным ростом и многословием — обратная пропорциональность», — говорит о.Александр Ельчанинов. Если произвести анализ тех основ души человеческой, которые сообщают ей свойство говорливости, то мы найдем нижеследующее. **Говорливость прежде всего свидетельствует о самомнении, т.е. гордости человека.** Такой человек, находясь в обществе, считает себя наиболее достойным, чтобы говорить и чтобы его слушали все остальные. Он думает, что затронутый в разговоре вопрос он может осветить лучше всех, и потому спешит взять слово и говорит долго, не давая места другим.

Говорливость свидетельствует, затем, о легкомыслии. Большое количество слов и мыслей болтливому человеку не могут быть глубокими и ценными как слишком скороспелые плоды. Мудрым мыслям и решениям надо время, чтобы созреть. Как и во всяком творчестве, так и в творчестве слова, требуется время для достижения совершенства. Здесь можно вспомнить случай из жизни американского писателя Марка Твена. Он как-то произнес очень интересную речь на одном собрании. Его друзья поздравляли его с успехом и удивлялись его таланту произносить речи «экспромтом» (т.е. без подготовки), как это им казалось. Марк Твен сознался одному из них: **«Этот «экспромт» стоил мне нескольких бессонных ночей для того, чтобы его продумать»**.

В-третьих, болтливость есть проявление эгоизма и ограниченности ума. Говорливый человек, повинувшись склонности к болтливости, обычно не дает себе отчета о цели того, для чего ему надо было говорить то или другое. Он быстро перескакивает от одной мысли к другой и никогда не дает себе труда проверить — надо ли действительно высказывать вслух вновь появившуюся мысль. Он не задается вопросом, чем интересуется собеседник, и эгоистично навязывает ему тот поток мыслей, газетные новости, рассказы из своей жизни и т.п., которые сейчас случайно текут у него в голове. Он, таким образом, чаще всего насилует внимание своего собеседника, заставляя слушать о вещах, не интересующих собеседника.

К сожалению, в обществе обычно считается неприличным молчать со знакомыми при их посещении дома. Между тем не было ли бы иногда более целесообразным при необходимости длительного совместного проведения времени предложить друзьям и знакомым, помимо собеседования, также поинтересоваться хорошими книгами, альбомами и т.п. Интересно, что в Лондоне имелся клуб «молчальников». Первым параграфом устава этого клуба было запрещение в стенах его каких-либо разговоров. Здесь можно было дать отдых своей нервной системе, переутомленной условиями жизни большого города, и спастись от знакомых и друзей, больных **«логореей»** — как в медицине называют болезнь чрезмерной говорливости.

В ряде случаев жизни молчание можно особенно рекомендовать или даже считать его необходимым. Так, нам нужно молчать тогда, когда наши собеседники осуждают кого-либо, и нам следует бояться быть соучастником в осуждении.

Не следует отвечать и при похвалах нас или лести. Здесь отрицание наших заслуг или достоинств может оказаться подчеркиванием в себе скромности и смирения, т.е. рисовкой — **«смирением паче гордости»**. Св.отцы в этих случаях всегда рекомендуют молчание. Оно показывает, что мы отказываемся сами принимать какое-либо участие в обсуждении вопроса о наших достоинствах. При этом надо следить и за своим сердцем, чтобы похвала не дошла до него и не возбудила бы гордости и тщеславия, и мы не почувствовали бы себя действительно достойными похвалы.

Поэтому при похвалах надо в душе сейчас же внутренне унижить себя пред Богом как недостойнейших и ничего доброго не сделавших. Иначе услышанная похвала окрадет нас и отнимет надежду на воздаяние от Господа в том мире, где мы только

и должны **«собирать себе сокровища»** (Мф.6, 20). Следует терпеливо молчать и тогда, когда собеседник еще не кончил своей речи. Перебивать собеседника является, безусловно, предосудительным. Еще Премудрый Соломон писал в своих Притчах: **«Кто дает ответ, не выслушав, тот глуп, и стыд ему»** (Притч.18, 14).

Есть и еще одна причина, когда неизбежно молчание. Это, как говорит Н.: **«Молчание души, переполненной невыразимым»**. Его знают поэты: они тщетно борются с бедностью языка, при которой в известные моменты **«мысль изреченная есть ложь»**.

«Лишь в ограниченных пределах возможно выражение Божественной истины человеческим словом», — говорит схиархимандрит Софроний.

*«Как беден наш язык: хочу и не могу...
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачную волной.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковой»*, — пишет Фет.

Говорят, что **«дипломатам язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли»**. В испорченном мире некоторые люди являются до известной степени такими дипломатами и, применяя ложь и лицемерие, с помощью языка стараются скрывать свое истинное лицо и свои мысли.

Поэтому не по разговорам только надо постигать иных людей: разговоры иногда скорее могут сбить с толку. Есть возможность постижения людей, их чувствований и их отношения к себе помимо языка. Так, в произведении «Сокровище смиренных» Метерлинк описывает содержание разговора без слов. При встрече двух людей, еще до того, как они произнесли хотя бы одно слово, между ними уже произошел целый обмен мыслей и чувств, заранее решающий в значительной степени все дальнейшие их взаимоотношения.

По взгляду встретившегося нам человека, по выражению его лица, позе, по характеру пожатия руки наша душа интуитивно уже в какой-то степени оценила человека и поняла отношение к нам встречного, расшифровала гамму промелькнувших в уме его мыслей и охвативших его чувств и со своей стороны ответила ему многими мыслями, окрашенными соответствующими чувствами, выражая их в своем взгляде, игре черт лица, позе и рукопожатии. В таком непринужденном разговоре без слов значительно менее может быть лжи и лицемерия, особенно когда встреча была внезапной, и к ней не готовились. Здесь сердца говорят одно другому: а сердце не умеет лгать, как лгут уста. Поэтому истинное познание сущности человека достигается более интуицией, является познанием сердцем, а не умом. Развитие же способности к подобному постижению достигается посредством предварительного постижения самого себя и очищения своего сердца.

Итак, по мере движения человека к совершенству дается ему способность видеть и понимать души окружающих его, даже не прибегая к посредству слова, постигать их в молчании, когда говорят между людьми их сердца. Кто-то из святых сказал, что **«слова — орудия этого века; молчание — таинство будущего века»**. Если в этом веке уста могут говорить ложь и скрывать за словами состояние своего сердца, то в том веке ложь, вероятно, вообще будет невозможна. Обмен душ мыслями без слов, т.е. разговор сердцами, исключает возможность лжи и обмана.

Предел молчаливости — **«священное молчание»**, которого достигают лишь великие из подвижников. Про последнее так говорит Н. в своей книге «Путь чистоты и священного молчания»: **«Когда действием благодати Божией, в результате победы над темной стихией греха, будет достигнуто «умирение помыслов», когда мир и божественная тишина безмолвия низойдут на душу, тогда услышит она, как доносятся до нее голоса иных миров, и начнет познавать тайны неведомые и в слове невыразимые»**.

Как достичь молчаливости? Она развивается у человека тогда, когда он приучается непрерывному вниманию к внутренней жизни, приучается следить не только за всяким своим поступком, но и за всяким словом, чувством и пожеланием. Иначе говоря, оно есть плод его непрерывного **«трезвения»** и духовной бодрости. Когда поймет человек полноту ответственности за всякое свое пожелание и слово, когда захочет во всем, в самых малых вещах, творить не свою, а Божью волю, тогда уста его будут не легко и не всегда открываться. Развивается молчаливость и с возрастанием человека в смирении и кротости. Вместе с тем теряет человек склонность к говорливости и тогда, когда душа его поймет истинную цену житейской суеты и глубоко задумается над смыслом и целью жизни человеческой, постигнет несоизмеримость временных мирских ценностей с тем, что ждет его в вечности.

Но как и во всякой добродетели, и в молчаливости нужна рассудительность, и бывают положения, когда молчание является предосудительным и будет поставлено нам в осуждение. Преп.Серафима спросили: **предпочитать ли молчание словам?** Он ответил: **«Когда надо — не воструби, а когда надо — не премолчи»**. А преп.Варсонофий хотя говорит, что **«многоглаголанье оскверняет человека»**, но вместе с тем дает такое определение молчаливости: **«Не в том состоит молчание, чтобы молчать устами; ибо один человек говорит тысячи слов полезных, а другой скажет одно праздное слово — и оно вменяется ему в попрание учений Спасителя»**.

Также бывают случаи, когда мы обязаны бываем давать ответ о нашей вере в Иисуса Христа. Для этого случая Господь говорит: **«Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами»** (Мк.8, 38). А ап.Петр пишет: **«Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением»** (1Пет.3, 15).

Нельзя молчать и уклоняться и тогда, когда мы можем защитить ближних от обиды, нападок, несправедливых укоров, упреков и т.д. Здесь наша совесть укажет нам, что молчание недопустимо, и будет свидетельствовать при молчании лишь о нашем бесчувствии, немилосердии или трусости.

Вместе с тем, молчаливость и сдержанность в словах не должны переходить у христиан, живущих в миру, в нелюдимость, обособленность и неприветливость. Общительность является обязательной добродетелью христианина, и ап.Павел в своих посланиях указывает на это. Он пишет к Тимофею, **«чтобы они (богатые — авт.) благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны»** (1Тим.6, 18).

Здесь, однако, следует оговориться: и при общительности надо проявлять рассудительность. Так, преп.Исаак Сирианин пишет: **«Будь дружен со всеми, а мыслью своею пребывай один»**. Можно думать, что в этом совете преп.Исаак рекомендует христианам всегда ощущать не только собеседника, но и Бога в своей душе, т.е. непрестанно тайно молиться.